

фото Григория Цитриняка

На снимке (слева направо): Эраст Гарин, Евгений Габрилович, Сергей Юткевич, Хеся Локшина (жена Э. Гарина, кинорежиссер), Сергей Мартинсон

Век - 1955 - 2000 - с. 12

Эраст Гарин, каким его знали

ПАМЯТЬ

Этот «портрет десятью перьями»* готовился для сборника воспоминаний, который предполагалось издать к 80-летию Эраста Гарина в 1982 году. Недавно исполнилось 15 лет со дня смерти великого артиста. Многих из тех, кто вспоминал о нем, с нами уже нет. Нет и книги...

ЯКОВ СЕГЕЛЬ. С Эрастом Павловичем я вначале познакомился еще до войны, как все, заочно, несколько раз посмотрев «Музыкальную историю», где он снялся в роли Тараканова.

Дело в том, что я поражаюсь, когда видел на экране жизнь. Не актерство, а нечто живое, естественное. В свое время этим меня покорила, например, Валентина Телегина, и Петр Алейников в «Семеро смелых» тоже казался не артистом. Удивительно, что тем же самым меня поразили и Гарин, не переносивший на экран или сцену в натуральных параметрах то, что мы встречаем в жизни, а артист явно гротескового плана. Вот он-то мне казался тогда — да кажется и сейчас — абсолютно живым человеком на экране. В этом, видимо, заключается «парадокс Гарина»: он делал все удивительно ярко и театрально, но оставался в то же время необычайно естественным.

ЗОЯ ФЕДОРОВА. Я была ученицей Алексея Дмитриевича Попова, Гарин — актером Мейерхольдовской школы. Одно время было распространено глубоко неверное мнение о якобы формалистической основе этой школы. Однако, наблюдая Гарина в работе над ролями (так уж случилось, что он дважды был моим женихом — в «Музыкальной истории» и в «Свадьбе»), я восхищалась подлинным реализмом игры этого любимого ученика Мейерхольда.

ЛИДИЯ СУХАРЕВСКАЯ. Он был цельным, таким и остался. И он умел быть верным. Если б все могли так хранить верность — друзьям, учителям, родителям, как он — Мейерхольду.

ВЯЧЕСЛАВ ТИХОНОВ. Гарин с детства был одним из моих любимых артистов. Каждый раз я наслаждался его игрой и каждый раз не мог разгадать «загадку Гарина». Чем же он манил? Тем, что был как бы из другого творческого мира: он нес искусство выдающегося педагога, школа которого в силу известных причин прекратилась на каком-то этапе, — Мейерхольда, тогда как мы — актеры среднего поколения и, конечно, молодые — представители школы Станиславского и Немировича-Данченко.

Великолепные актеры, которые прошли через лабораторию Мейерхольда, умеют удивительно пластично лепить образ. Они прекрасно владеют своим телом, мимикой, голосом — очень ярко, очень непосредственно и правдиво. Позой или жестом, даже одной верно найденной интонацией могут четко обозначить характер. Короче говоря, владеют отточенной внешней формой.

Как раз этого мне, молодому актеру начала пятидесятых годов, и не хватало, поэтому я с наслаждением учился у Эраста Павловича.

З. ФЕДОРОВА. Всех нас — и учащихся съемок, и тех, кто наблюдал за ними со стороны, — покорила несравненный гаринский юмор, питавшийся жизненными наблюдениями, восхищал гаринский острый глаз, парадоксальный ум.

В. ТИХОНОВ. Гарин — маг и волшебник комедии — как говорится, все знал «про это дело». Казалось бы, рассмешить его самого было невозможно. Казалось бы... А на деле, когда ему что-то хоть чуть-чуть нравилось, он очень заразительно смеялся. От всего сердца. Как ребенок.

Л. СУХАРЕВСКАЯ. Гарин казался человеком, который умеет наблюдать, слушать и...

молчать. Его немногословие удивляло. Но надо было видеть Гарина на репетициях! Он загорался и говорил метко, образно. И столь же талантливо, как играл собственную роль, умел «показать» актеру.

ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ. В 1955 году я, совсем «зеленая» еще актриса, снималась в «Неоконченной повести». Я играла врача Елизавету Максимовну, Эраст Павлович — одного из моих пациентов. Дело было в Ленинграде во время белых ночей. Я жила тогда в гостинице.

...Однажды я проснулась от стука в дверь.

— Кто это?

— Это Гарин, — раздалось в ответ, хотя я все равно узнала бы его по голосу: у него же был необыкновенный голос, ни с кем не спутаешь.

Я наскоро оделась и открыла. Вошел Эраст Павлович с охапкой ландышей. Не могу сказать «букет» — это была именно ОХАПКА ландышей. Я приняла цветы, хотя и не могла понять: за что? И вообще не могла понять, почему он пришел, потому что разговор пошел о самых обыденных вещах. Гарин спросил, как я себя чувствую. Я ответила: хорошо. Потом Эраст Павлович заметил, что белые ночи все перепутали, а я сказала, что первый раз их вижу. Забылось, о каких еще мелочах шел разговор, но абсолютно четко помню, что была какая-то «вопросительная атмосфера»: я не понимала, почему Гарин пришел, и он, чувствовалось, тоже чего-то не знал. Мы недолго проговорили, потом — у меня тогда не было часов — я спросила:

— Эраст Павлович, а какой час?

Меня совершенно потряс спокойный ответ:

— Думаю, теперь уже шесть.

Шесть утра! Я включила гостиничный репродуктор: действительно, только-только начинались радиопередачи.

Вскоре Гарин пожелал мне успеха — предостояла утренняя съемка — и ушел. А я осталась со своим вопросом: зачем же приходил так рано этот странный человек?

Приехав вскоре на «Ленфильм», я сказала Люсе Карасевой, ассистенту Ф. Эрмлера по картине (она дружила с семьей Гариних):

— Эраст Павлович пришел ко мне очень рано, принес ландыши. Так странно...

— А он в любое время может прийти, — ответила Люся. — Иногда позвонит в три часа ночи: «Ставьте самовар — сейчас приеду». И мы ставим самовар, потому что обожаем его...

Но что я узнала в течение дня? Накануне вечером несколько отснятых эпизодов обсуждал худсовет, и кто-то предложил меня заменить, но выступил Эраст Павлович и сказал, что уверен: Быстрицкая справится.

Только тогда я поняла, чем был вызван столь ранний визит: Гарин думал, что мне уже известно вчерашнее обсуждение, и хотел успокоить перед утренней съемкой...

Много лет спустя, встретив Эраста Павловича, я сказала:

— Спасибо за ландыши!

Я. СЕГЕЛЬ. Эрасту Павловичу и Хесе Александровне было свойственно давать уют всем, кому в какой-то момент было не очень-то хорошо. В 1946—1953 годах я встречал в их доме Леонида Трауберга, Янину Жеймо с дочерью и мужем дочери, Михаила Блеймана, Николая Коварского, Михаила Вольпина и других.

НАДЕЖДА КОШЕВЕРОВА. Как-то, когда снимали «Золушку», в обещанный перерыв Гарин пошел выпить кружку пива в расположенный рядом со сту-

дий павильон «Пиво — воды». Поскольку Эраст не стал разгримировываться — остался в мантии, парике, с короной на голове, то все пили, естественно, за здоровье короля...

РИНА ЗЕЛЕНАЯ. Гарин был лучшим из всех королей, каких мне приходилось видеть!

Н. КОШЕВЕРОВА. Когда снималась «Золушка», в съемочной группе был какой-то коллективный восторг перед тем, что написал Евгений Шварц. Не менялось ни одно слово, ни одна запятая. Удивительно, что Эраст тоже ничего не менял в тексте.

Вообще же Гарин мнений своих не скрывал: если он критически относился к человеку, то так ему и говорил — прямо в глаза.

Я. СЕГЕЛЬ. Гарин всегда весьма нежно вспоминал о Ленинграде. У меня осталось ощущение, что, живя в Москве, он оставался ленинградцем — по каким-то привязанностям, симпатиям. Мне даже кажется, что в Москве он чувствовал себя в командировке, а в Ленинграде — дома.

В. ТИХОНОВ. Эраста Павловича уже нет. Но в каждом, кто хоть на какое-то мгновение соприкасался с ним, есть частица Гарина. Он как бы растворился в нас, его учениках.

Я могу с полным правом сказать, что он является моим учителем. Прямым учителем — я играл в «Обыкновенном чуде», которое он ставил, мне выпало счастье быть с ним на сцене. Естественно, я не могу взять на вооружение ту острую форму, которой Эраст Павлович так блистательно владел. Однако, работая над ролью, я стараюсь постигнуть не только внутреннюю сущность персонажа, но и его внешний облик. Когда то и другое удастся соединить, я чувствую себя учеником Гарина.

КИРИЛЛ ЛАВРОВ. Эраст Гарин всегда был для меня необычайным существом. Его жизнь в театре, его личность остаются для меня недостижимым идеалом.

ЛЕОНИД УТЕСОВ. Я любил Эраста Гарина. Любил его за то, что он был настоящим человеком, настоящим актером, настоящим режиссером.

Н. КОШЕВЕРОВА. Эраст Гарин — явление совершенно необыкновенное. Индивидуальность, которая неповторима. Второго Гарина не может быть, как не может быть второй Фаины Раневской.

ФАИНА РАНЕВСКАЯ. Я так нежно, крепко и взволнованно никого из моих коллег не любила, как любила Эраста Гарина — человека и артиста.

Э. БЫСТРИЦКАЯ. Мне хотелось бы сказать всем, кто знал и любил Гарина: Я — С НИМИ. У меня уже нет родителей, нет многих друзей детства, нет моего киевского театрального педагога Ивана Ивановича Чебаненко, нет Эраста Павловича Гарина. **НО ОНИ ЕСТЬ! ОНИ ОСТАЛИСЬ СО МНОЙ!**

16 июля 1979 года я приехал к Сергею Юткевичу в Дом ветеранов кино в Матвеевском, где он тогда жил, поговорить. Поговорили, спустились в сад. «Видите, кто сидит на лавочке?» — спросил Сергей Иосифович. — Можете сделать редкий «мемориальный снимок». Он сел на ту же лавочку, я снял всех, потом отдельно — Эраста Гарина, к тому времени уже почти ослепшего.

Когда вскоре после смерти Эраста Павловича (в 1980-м) я показал групповой снимок Габриловичу, он грустно улыбнулся: «Публиковать пока нельзя — некоторые еще живы...» А потом великие старики ушли один за другим — последним Евгений Иосифович...

Григорий ЦИТРИНЯК

* Публикуется в сокращении. — Г. Ц.